

М.Ю. Десятова (Москва, Россия)

Языковые особенности письма Галилео Галилея Великой герцогине Кристине Лотарингской¹

Аннотация: Настоящая статья осуществляется в рамках научного проекта, поддержанного фондом развития «Живая традиция» и посвященного подробному богословскому и филологическому анализу и комментированному переводу «Письма великой герцогине Кристине Лотарингской» (1615), входящего в серию «коперниканских писем» Галилео Галилея. Именно в этих письмах (помимо письма к Кристине, в них включены письмо Бенедетто Кастелли» 1613 г. и два письма к Пьеро Дини 1615 г.) Галилей сформулировал принципы нового научного метода познания мира, ссылаясь на открытия Николая Коперника. В письме Кристине, наиболее ярком и важном из этой серии и до сих пор не переведенном на русский язык, Галилей особенно подробно, последовательно и полно излагает свою позицию ученого-естествоиспытателя, парируя упреки в несовместимости своих научных выводов с Писанием. Но Галилей не только ученый, богослов и философ. Он также известен как литератор, писатель, представитель барочной литературы и родоначальник научного стиля в итальянском языке, что заслуживает особого внимания. В Письме Кристине можно отметить характерные черты научного стиля Галилея: простоту терминологии, метафоричность научных описаний, эмоциональность, сложный синтаксис, отягченный многоярусными сложноподчинительными связями, однородными придаточными, герундиальными оборотами.

Ключевые слова: Галилео Галилей, Кристина Лотарингская, барокко, итальянский язык, научный стиль, научная терминология

М. Ю. Desyatova (Moscow, Russia)

Characteristic Features of Galileo's Scientific Style in His Letter to the Grand Duchess Christina of Lorraine

Abstract: This article is carried out within a scientific project supported by the “Zhivaya traditsiya” (Traditioviva) Development Fund and dedicated to a detailed theological and philological analysis and commentary on the translation of the Letter to the Grand Duchess Christina of Lorraine (1615), which is part of the series of “Copernican Letters” by Galileo Galilei. It was in these letters (besides the letter to Christina, there are also a

¹ В основе статьи доклад, представленный на VI Международной научной конференции итальянистов «Алисовские чтения» (язык, литература, культура Италии) 25 февраля 2022 г.

letter to Benedetto Castelli of 1613 and two letters to Piero Dini of 1615) that Galileo formulated the principles of a new scientific method of understanding the world, referring to the discoveries of Nicolaus Copernicus. In the letter to Christina, the most striking and important of this series and still not translated into Russian, Galileo expounds in particular detail, consistently and fully his position as a natural scientist, parrying reproaches for the incompatibility of his scientific conclusions with the Holy Bible. But Galileo is not only a scientist, theologian and philosopher. He is also known as a man of letters, a writer, a representative of baroque literature and the founder of the scientific style in the Italian language, which deserves special attention. In the Letter to Christina, one can note the characteristic features of Galileo's scientific style: simplicity of terminology, metaphorical scientific descriptions, emotionality, complex syntax, aggravated by multi-tiered subordinate clauses, homogeneous subordinate clauses, wide use of gerunds.

Key words: Galileo Galilei, Christina of Lorraine, baroque, Italian language, scientific style, scientific terminology

Поводом к составлению «Письма» послужил спор об учении Коперника, произошедший в кругу Кристины, герцогини Лотарингской, образованной женщины, в дом которой были вхожи гуманисты, мыслители и ученые того времени, встречавшиеся для обсуждения самых разнообразных тем. В одной из таких встреч принял участие Бенедетто Кастелли, ученик Галилея, преподававший математику в Пизе. Кастелли требовал независимости науки от теологии, другие же с ним не соглашались. Позже он рассказал об этом случае Галилею, а тот ответил ему в «Письмах Кастелли» от 1613 г., где ясно излагал свое мнение. Двумя годами позже он дополнил их «Письмом Кристине Лотарингской», которое распространилось во множестве копий, но опубликовано было только в 1636 г. в Страсбурге¹. В письме к Кристине в целом веет духом эпохи: в нем тесным образом переплетены эстетические установки барокко: изумление перед тайнами природы, выражаемое при помощи богатой палитры художественных средств, красноречие и изысканный стиль, насыщенный барочными формулами и метафорами, многочисленные риторические приемы и страстность в желании убедить читателя. При этом многие исследователи (Б. Мильборини, К. Мараццини, К.А. Чекалов)² отмечают у Галилея стремление к четкости мысли и ясности ее изложения; Галилей создает подлинно научный текст на итальянском языке, а не на латыни, считая необходимым тщательно различать и разделять поэтический и научный стиль.

Галилей выбрал итальянский язык для своих научных трудов в возрасте 22 лет, когда написал свой первый очерк *La bilancetta*. Выбор между итальянским и латинским не был легким и необдуманным, но был продиктован тем, что Галилей видел в вольгаре все необходимые средства для изложения собственной научной мысли, а также с его помощью отстранялся от лагеря противников, писавших на латыни, противопоставляя себя тем, чье мнение не разделял. Одной из причин обращения к вольгаре, как отмечает Мараццини³, было намерение популяризировать собственные наблюдения и открытия. Кроме того, Галилей всегда гордился и собственным родным тосканским вольгаре. Этим естественным чувством про-

¹ Серебряков Н.С. Г. Галилей и М.В. Ломоносов: О толковании Священного Писания: bogoslov.ru/article/2407007

² Чекалов К.А. Галилей и классицистическая тенденция в прозе Сейченко // История литературы Италии / Под ред. М.Л. Андреева. Т. 3. М.: РАН ИМЛИ, 2012. С. 32–33.

³ Marazzini C. Breve storia della lingua italiana. Bologna: Il Mulino, 2004. P. 142.

низана вся научная проза Галилея (как, собственно, и других тосканских ученых), который не стеснялся описывать на родном наречии самые незначительные или бытовые явления, детали, особенности животных, растений, инструментов. Галилей сознательно выбирал тосканский, хотя в начале карьеры он часто писал и на латинском (*Siderius nuncius*). Со временем латинский в произведениях Галилея стал выполнять функцию отрицательного сопоставления, для выражения контраргументов в споре: это особенно заметно в *Saggiatore* (1623), в котором на латинском приводятся доводы противника, оспариваемые затем на итальянском: так завязывается диалог между двумя языками, выражающими два разных подхода к науке. (Интересно, что в письме к Кристине такого спора нет: латинский, напротив, служит источником доводов и доказательств в пользу гипотез и убеждений Галилея; он ищет опоры в латинском языке, цитируя Священное Писание и творения святых отцов, и латинский в письме выступает как союзник.) Выбрав вольгаре для научных работ, Галилей должен был приспособить итальянский для своих новых целей. И в этом он показал себя удивительно изобретательным, ни разу не допустив просторечия. Мараццини подчеркивает, что Галилей сумел выработать свой стиль – выдержанную, элегантную и нейтральную манеру изъясняться, которую он снабдил точностью и ясностью терминологии и синтаксиса. Иногда в его творения проникали элементы живой непринужденной тосканской речи, его речи не был чужд сарказм, ирония, идиоматические выражения и игра на контрастах и противопоставлениях. Но следует сказать, что в стиле Галилея эти разговорные вкрапления гармонично сочетались с ученой речью, лишенной сухости и занудства, вполне в соответствии со вкусами Возрождения. Галилею удалось достичь высокой степени логической строгости одновременно с наглядностью, исключительной ясностью терминологического аппарата и научного стиля. Тосканский ученый воздерживается от слишком надуманной и нарочитой терминологии, пользуясь имеющимися средствами, знакомыми всем. Вместо введения новых слов – их изобретения или заимствований из латыни и греческого – Галилей придает сугубо техническое значение уже тем словам, к которым все привыкли, не гнушаясь, впрочем, и тех греческих и латинских, что уже были в ходу. Когда же все-таки требовалось какое-то новое название для изобретений и он мог сам его выбирать, он предлагал новые модели: *canone + occhiale = kannocchiale*. Ко всему прочему следует добавить, что Галилей обладал литературным даром: ему была присуща склонность к живой полемике, способность к кропотливому описанию любых деталей, объектов и явлений: от насекомых до движения небесных тел – все было подвластно его перу; Галилей действительно мог превратить научное повествование в захватывающее чтение, и этот подход был в дальнейшем подхвачен его учениками, иногда даже сверх всякой меры¹.

Многие из описанных выше особенностей стиля Галилея применимы и к письму Кристине. Действительно, научная терминология в нем предельно проста; слова, которыми пользуется Галилей для обозначения природных, физических явлений, имеют итальянское происхождение и принадлежат к общеупотребительной лексике, например: *mobilità o stabilità della Terra o del Sole, corpo solare, conclusioni naturali, sensate esperienze, proposizioni astronomiche, movimenti celesti, orbi celesti, che la Terra, convertibile in se stessa, se gli muova intorno, le ragioni (di Tolommeo e d'Aristotile), effetti naturali, scoprimenti celesti, conversioni di tutti i pianeti*. Помимо естественно-научных терминов Галилей привлекает также целый арсенал слов и

¹ Marazzini C. Breve storia della lingua italiana. P. 142–145.

словосочетаний для построения логической аргументации в полемике: *verità, necessarie dimostrazioni, conclusioni, osservazioni, particolari*. Содержание письма отличается ясностью и стройностью – читателю понятна позиция ученого, подкрепляемая бесчисленным количеством аргументов и доказательств, а также изрядным количеством язвительных замечаний. Галилею вовсе не чужда эмоциональность, о чем свидетельствует обилие форм превосходной степени прилагательных и наречий, усилительные конструкции (*non ricercano altro se non che*), использование экспрессивной лексики, форм кондиционала, риторических вопросов с легким налетом сарказма, инверсии придаточных и главных предложений. Однако нельзя не заметить, что язык Галилея предельно сложен по своей синтаксической структуре: это своеобразный клубок из всевозможных синтаксических связей как внутри фразы, так и внутри многоярусного сложноподчиненного предложения. Приведем лишь один пример такого предложения из письма Кристине:

E conoscendo che tal dichiarazione spianterebbe non sol queste due conclusioni, ma renderebbe dannande tutte l'altre osservazioni e proposizioni astronomiche e naturali, che con esse hanno corrispondenza e necessaria connessione, per agevolarsi il negozio cercano, per quanto possono, di far apparir questa opinione, almanco appresso all'universale, come nuova e mia particolare, dissimulando di sapere che Niccolò Copernico fu suo autore e più presto innovatore e confermatore, uomo non solamente cattolico, ma sacerdote e canonico, e tanto stimato, che, trattandosi nel Concilio lateranense, sotto Leone X, della emendation del calendario ecclesiastico, egli fu chiamato a Roma sin dall'ultime parti di Germania per questa riforma, la quale allora rimase imperfetta solo perché non si aveva ancora esatta cognizione della giusta misura dell'anno e del mese lunare: onde a lui fu dato carico dal Vescovo Sempronienese, allora soprintendente a ques'impresa, di cercar con replicati studi e fatiche di venire in maggior lume e certezza di essi movimenti celesti; ond'egli, con fatiche veramente atlantiche e col suo mirabil ingegno, rimessosi a tale studio, si avanzò tanto in queste scienze, e a tale esattezza ridusse la notizia de' periodi de' movimenti celesti, che si guadagnò il titolo di sommo astronomo, e conforme alla sua dottrina non solamente si è poi regolato il calendario, ma si fabbricorno le tavole di tutti i movimenti de' pianeti: ed avendo egli ridotta tal dottrina in sei libri, la pubblicò al mondo a i prieghi del Cardinal Capuano e del Vescovo Culmense; e come quello che si era rimesso con tante fatiche a questa impresa d'ordine del Sommo Pontificio, al suo successore, ciò è a Paolo III, dedicò il suo libro delle Revoluzioni Celesti, il qual, stampato pur allora, è stato ricevuto da Santa Chiesa, letto e studiato per tutto il mondo, senza che mai si sia presa pur minima ombra di scrupolo nella sua dottrina¹.

Зная, что таковое объявление на корню сгубило бы не только эти два моих вывода, но обрекло бы на провал и все остальные наблюдения и предположения, касающиеся астрономических и природных явлений, которые имеют с ними соответствия и неизбежную взаимосвязь, они, для свершения задуманного, пытаются, насколько сие им по силам, представить мое мнение, по крайней мере, среди обычных людей, как новое и мое личное, притворяясь, будто не ведают, что автором, который впервые высказал его и подтвердил, был Николай Коперник, человек не просто католической веры, но священник и каноник, и настолько уважаемый, что, когда на Латеранском Соборе при Льве X обсуждали исправление церковного календаря, его позвали в Рим из отдаленнейшего уголка Германии ради этой реформы, которая оставалась незавершенной только из-за отсутствия истинного знания о точной длительности года и лунного месяца. Там же дано ему было поручение епископом Семпронийским, на тот момент возглавлявшим сие дело, попытаться, посредством усердных трудов и опытов, внести ясность и точность в представления о движении в небе. Итак, он, благодаря усилиям поистине титаническим и достойному удивления уму своему, много преуспел в данных науках, принявшись за таковое исследование, и до такой точности довел сведения о периодах небесных движений, что заслужил титул величайшего астронома, и в соот-

¹ Цит. по: *Galilei G. Opere / A cura di A. Favaro. Vol. V. Firenze: Edizione Nazionale, 1968. P. 309–348.*

ветствии с его учением затем не только был составлен календарь, но были созданы и таблицы всех движений планет. Изложив же учение свое в шести книгах, он выпустил его в свет по просьбам кардинала Капуанского и епископа Кульмского; и, поскольку он принял на себя такой труд, повинувшись повелению Великого Понтифика, то его преемнику, Павлу III, он посвятил книгу свою «О вращениях небесных сфер», которая, тогда же и изданная, была принята Святой Церковью, во всем мире прочитана и изучена, и никогда его учение не покрывала и малая толика сомнения¹.

Синтаксис подобного рода сложен для восприятия не только тех, для кого итальянский не родной, но и для его носителей. Можно ли тогда утверждать, что язык Галилея не всегда прозрачен, даже когда он пишет на вольгаре? И что, возможно, выбор вольгаре не всегда продиктован желанием Галилея популяризировать свои открытия? Письмо адресовано знатной и, безусловно, образованной даме, но предназначалось оно также для ученой общественности и служило своего рода рупором научной и богословской позиции Галилея. Галилею достаточно тех выразительных средств, которыми располагал к тому времени итальянский язык, он виртуозно пользуется общеупотребительной лексикой и наглядными метафорами для рассуждений о научных открытиях или описаний природных явлений, но при этом вовсе не стремится к упрощению и обеднению синтаксических связей. На первый взгляд может показаться, что Галилей хочет запутать читателя в дебрях сложноподчиненных предложений, но думается, что это стремление к сложности в целом продиктовано вкусами эпохи и веяниями барокко, а также, возможно, и ориентацией на латинский синтаксис. Письмо показывает, что итальянский синтаксис XVII в. ни в чем не уступает латинскому, способен выразить самые сложные силлогизмы разнообразными видами связи, отражая ход мысли и логику автора. При этом наблюдается и некоторая закругленность в синтаксисе: главное предложение нередко служит своеобразной рамкой, внутри него располагаются многочисленные придаточные; изложение тезиса и его доказательств начинается и заканчивается главным предложением. Почти каждое из предложений Галилея в письме Кристине представляет собой самостоятельный текст, некое пространство для выстраивания целой системы аргументации за счет переплетения взаимосвязанных подчиненных предложений.

И, наконец, следует сказать несколько слов о жанровом своеобразии письма: в нем присутствуют типичные элементы эпистолярного жанра: обращения к адресату, призывы следовать за ходом рассуждений автора (*ma noti di più, l'A. V., vegga dunque l'A. V.* и др.), но при этом сохраняются и последовательно реализуются установки на стройное изложение научных взглядов, характерные для научного трактата. Эмоциональность, динамичность и наглядность представления аргументов в защиту собственной научной позиции позволяют отнести письмо Галилея и к жанру живой полемики.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить следующие языковые особенности письма Галилео Галилея к Великой герцогине Кристине Лотарингской:

1. Научная терминология строится на базе общеупотребительной лексики, объяснения природных процессов наглядны и понятны, для большей наглядности Галилей прибегает к метафорам.

2. Письму присуща эмоциональность, которая выражается при помощи форм кондиционала, превосходной степени прилагательных и наречий, усилительных синтаксических конструкций, инверсий, контрастных сопоставлений.

¹ Перевод мой. – М.Д.

3. Для подкрепления аргументов широко используются латинские цитаты.
4. Для письма характерен сложный синтаксис, частая инверсия сказуемого, наличие многоярусных подчинительных предложений; для структуры сложного предложения типичен разрыв главного предложения и размещение «клубка» подчиненных предложений в центре.
5. Полемика и аргументация выстраиваются в пределах одного предложения, которое видится как самостоятельный текст, подчиненный выражению и доказательству одного тезиса.
6. В письме наблюдаются характерные явления, типичные для итальянского языка (тосканского) XVII в.
7. Своеобразие письма состоит в смешении нескольких жанров: собственно эпистолярного, научного трактата и живой полемики.

ЛИТЕРАТУРА

История литературы Италии / Под ред. М.Л. Андреева. Т. 3. М.: РАН ИМЛИ, 2012. 715 с.

Чекалов К.А. Галилей и классицистическая тенденция в прозе Сейченко // История литературы Италии / Под ред. М.Л. Андреева. Т. 3. М.: РАН ИМЛИ, 2012. С. 28–50.

Серебряков Н.С. Г. Галилей и М.В. Ломоносов: О толковании Священного Писания: bogoslov.ru/article/2407007

Galilei G. Opere / A cura di A. Favaro. Vol. V. Firenze: Edizione Nazionale, 1968. P. 309–348.

Marazzini C. Breve storia della lingua italiana. Bologna: Il Mulino, 2004, 260 p.

REFERENCES

History of Literature of Italy / Ed.: M.L. Andreev. Vol. 3. Moscow. A.M. Gorky Institute of World Literature Press. 2012. 715 p.

Chekalov K.A. Galileo and the Classicist Tendency in Seicento's Prose. In: History of Literature of Italy / Ed.: M.L. Andreev. Vol. 3. Moscow. A.M. Gorky Institute of World Literature Press. 2012, pp. 28–50.

Serebryakov N.S. G. Galilei and M.V. Lomonosov: On the Interpretation of the Holy Scriptures: bogoslov.ru/article/2407007

Galilei G. Opere / A cura di A. Favaro. Vol. V. Firenze. Edizione Nazionale. 1968, pp. 309–348.

Marazzini C. (2004) Breve storia della lingua italiana. Bologna. Il Mulino. 260 p.

Сведения об авторе:

Мария Юрьевна Десятова,
канд. филол. наук
доцент, профессор
историко-филологический факультет
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет (ПСТГУ)

Maria Yu. Desyatova,
PhD
Associate Professor, Professor
Faculty of History and Philology
Saint Tichon's Orthodox University
(PSTGU)

m-desyatova@yandex.ru